

Я не забирал её. Тот фонарь, что не гаснет вот уже много лет, висит у входа в постоялый двор. На нём выведено стихотворение: Зелень твоих одежд волнует сердце моё, если не приду я к тебе, неужели не подашь ты весточки?

Это строки, которые я когда-то написал, сам того не осознавая. Увидев А Е в фиолетовом платье, я почувствовал, как сердце затрепетало, и помчался с далекого пика Чанбай. Купил самый обычный фонарь, начертал на нём стихи и попросил передать ему. Изначально это было лишь мимолетным порывом, но я и не думал, что он действительно придет на встречу.

Это был один из немногих порывов в его жизни, но в моих воспоминаниях он остался как одна из немногих драгоценностей, связанных с А Е.

Я нарисовал на том фонаре цветок китайской розы, наполнил его духовной энергией, чтобы он оберегал эту улицу — место, где когда-то спотыкаясь, шел А Е.

Под девятой плакучей ивой у реки я нашел третий седой волос. Это была маленькая шкатулка, зарытая довольно глубоко, а внутри лежали лишь четки из сандалового дерева.

Я надел их на запястье, словно спрятал глубоко внутри себя любовь к А Е, всегда нося её с собой.

Не знаю, сколько ещё продлятся эти прятки, ведь я не ведаю, сколько именно моих волос состриг этот маленький озорник. Но это неважно. Главное, что он всё ещё здесь. Я вновь прохожу путь, на котором мы узнали и полюбили друг друга. В этих седых волосах — любовь, что сквозь долгие годы осталась к нему такой же, как в первый день. Он узнает об этом.

Я каждый год посещаю состязания Яотай, но больше никогда не сажусь на высокий помост. Я просто становлюсь самым обычным учеником и стою внизу, наблюдая за новыми лицами, что меняются год от года. Люди с Чанбая больше не появлялись на этой арене. Те, кто каждый год твердил, как сильно ненавидит Чанбай, позже не раз слышали, как люди сетовали, что нынешнее поколение всё хуже предыдущего, и что таких восходящих звезд, как Дун Ли с Чанбая столетней давности, больше не встретить.

Побывав на Яотай несколько раз, я наконец нашел четвертый седой волос. Это был лишь кусочек сине-фиолетовой ткани, который парил на том самом высоком месте, что всегда оставляли для Чанбая.

Я обучился рукоделию у самой известной в мире мастерицы. Трудно поверить, что когда-то я сам превращусь в женщину, лишь бы освоить это искусство. Я превратил ту ткань в платок, вышивая на нём стежок за стежком нежный цветок китайской розы.

На самом деле, мне не нужно было так утруждаться, достаточно было просто взмахнуть рукой, и любой узор был бы готов. Но есть вещи, которые я хочу делать сам, не прибегая к бессмертной технике, и есть то, что я не желаю доверять другим. А может, просто прошло

слишком много времени, и мне стало до ужаса скучно.

Та Яо Янь, которую когда-то любил А Е, уже давно вышла замуж — я сам приложил к этому руку. Та, что когда-то отчаянно сопротивлялась, теперь живет в ладу и согласии, родила пухлого сынишку. Она давно превратилась из прелестной девушки в зрелую женщину, и лишь одно осталось неизменным: она больше не помнит того ослепительного юношу, в которого была влюблена в молодости.

Ничего страшного. Достаточно того, что я один помню А Е.

В конце концов я всё же отправился в ту долину. В воздухе кружились лепестки китайских роз — это было последнее место, где, как я думал, мог скрываться А Е.

Но, как я и боялся, его там не было.

В глубине розового сада стояли лишь два надгробия: моего старшего ученика Дун Ли и того юноши, что принял на себя удар, предназначенный А Е.

Я всегда знал, что А Е — ребенок, для которого чувства и долг превыше всего, поэтому так много людей были готовы пожертвовать ради него собой.

Если говорить о чувстве вины, то я был недостаточно ответственен перед Дун Ли. Возможно, я никогда и не был хорошим учителем. Всегда думал, что наставник лишь открывает дверь, а дальше каждый идет своим путем, но, по правде говоря, это было лишь оправданием моей собственной безответственности.

Дун Ли никогда не требовал от меня заботы, напротив, именно он всегда брал на себя все дела на Чанбае. Наверное, поэтому А Е был с ним ближе. Вспоминая его последние слова, я чувствую ещё большую вину: он пожертвовал собой в надежде спасти А Е, но я подвел его, как подвел и самого А Е.

Даже сейчас ученики Хэнью помнят, что у них был выдающийся старший брат по имени Дун Ли, но никто уже не помнит А Е.

Как хорошо. Наконец, как он и хотел, А Е принадлежит только ему одному.

Я рыдал в глубине розовых кустов, зная, что А Е уже никогда не вернется.

Позже Бессмертный Преподобный Байянь поселился в Долине Злодеев. Он взял в ученики множество сирот, обучая каждого лично.

Он стал первым бессмертным, вставшим на путь демона, но никто не знал, кто был его

внутренним демоном. В большинстве случаев он оставался нежным наставником, и многие говорили, что, став демоном, Преподобный Байянь стал ещё мягче, чем был на пике Чанбай.

Он больше всего любил ухаживать за цветами, и все розы в долине были его сокровищами.

Он любил носить фиолетовые халаты, его длинные седые волосы спадали до земли, и он часто подолгу смотрел на один и тот же шелковый платок.

Он любил в лунные ночи, взяв фонарь, в одиночестве бродить по цветочному морю.

А того, кого он любил больше всего, в этом мире больше не было.

Глава 21: Кровожадные развлечения

За час до начала конкурса, за кулисами.

Вокруг царила суматоха: туда-сюда сновали люди, то и дело слышались крики режиссера, который в наушниках выкрикивал номера, а следом за ним, нервно прижимая к себе гитары, семенили испуганные юноши.

На фоне этой нервозности один длинноволосый парень в углу выглядел подозрительно расслабленным. Его серебристые волосы, разделенные пробором, слегка вились на концах. Он выглядел до неприличия непринужденно, а его утонченное лицо заставляло прохожих невольно задерживать взгляд.

Он полулежал на скамье в коридоре, рядом стояла дорогая акустическая гитара. Вдоль грифа гитары взгляд скользил к длинным прямым ногам, небрежно закинутым на подлокотник скамьи. Парень был в простой белой рубашке с эмблемой учебного заведения — казалось, обычный школьник.

Многие останавливались, привлеченные его красотой, но в итоге проходили мимо. В индустрии развлечений никогда не было недостатка в красавчиках, но без связей и таланта эта сфера быстро показывает свою темную сторону. Блеск софитов — это лишь фасад, и такие юноши, как он, казались совершенно непригодными к этому миру.

— Четыреста сорок четвертый, Цзи Е, — режиссер, просматривая список, облегченно вздохнул. Наконец-то этот день подходит к концу. Этот парень записался прямо на месте, наверняка пришел просто попытать удачи. Три минуты — и на выход, а там можно и с ребятами выпить по рюмке.

— Цзи Е? Цзи Е, Цзи Е здесь? — режиссер с лысиной, сняв наушники, трижды повторил имя с явным раздражением.

— Здесь, — парень на скамье снял белые наушники и поднял руку.

— Ладно, готовься, твоя очередь, — режиссер, изначально собиравшийся сорваться на крик, увидел перед собой столь приятное лицо и немного смягчился. Парень выглядел совсем юным, не стоит портить нервы ребенку.

— Хорошо, — Цзи Е поднялся со скамьи, наклонился, подхватил гитару и встал в полный рост.

Только сейчас режиссер почувствовал давление: хоть парень и выглядел юным, он был довольно высоким, почти метр восемьдесят. Режиссер невольно отступил на шаг, кашлянул и скомандовал:

— Заходи, раз готов.

Когда Цзи Е вошел, рабочие сцены уже начали убирать реквизит: шестичасовой марафон прослушиваний вымотал всех до предела. Но внешность Цзи Е сделала свое дело — он мгновенно приковал к себе взгляды всех женщин в зале. Он сел в центре, обнял гитару и с улыбкой посмотрел на троих судей.

— Представься, пожалуйста, — женщина-судья справа ответила ему дружелюбной улыбкой. Красота всегда вызывает больше ожиданий и снисходительности.

— Здравствуйте, уважаемые судьи. Меня зовут Цзи Е, мне семнадцать, я студент. Надеюсь присоединиться к группе Июль, — вступление Цзи Е не было чем-то выдающимся, но прозвучало интригующе.

— Семнадцать лет, студент, да еще и отличник? — мужчина-судья слева расслабился, с удивлением и любопытством переглянулся с коллегами и спросил: — В каком университете учишься? На какой специальности?

— Джульярдская школа, класс гитары, — ответил Цзи Е так буднично, словно говорил о каком-то заштатном училище. Обычно так говорят либо очень высокомерные люди, которые подают свои достижения как нечто само собой разумеющееся, чтобы подчеркнуть свою исключительность.

— О? Выпускник престижного вуза? — Чжэн Чжи, сидевший в центре и до этого молчавший, наконец выпрямился, поправил пиджак и усмехнулся. — Жду с нетерпением, начинай.

Его скептицизм был очевиден. Чжэн Чжи пробился на вершину исключительно благодаря собственному таланту, поэтому в индустрии, где всё решала внешность, он всегда был строг к тем, кто полагался только на лицо. Многих красавчиков он уже отсеял. Конечно, именно

поэтому продюсеры пригласили его в жюри как гарант справедливости: никто не хотел, чтобы в группу попал бездарный «цветочек».

Если бы Цзи Е не держался так спокойно, судьи, возможно, питали бы к нему больше надежд. Но они привыкли к бесконечным сертификатам и регалиям новичков, и подобная бравада казалась им верхом тщеславия. Даже женщина-судья, изначально симпатизировавшая парню, про себя покачала головой: Какая жалость, такая внешность — и такая самонадеянность.

— Хорошо, сегодня я исполню Небесный замок, — Цзи Е, казалось, не заметил насмешливых взглядов судей и, опустив голову, начал перебирать струны.

Раздались первые звуки — обычные, предсказуемые, вполне ожидаемые.

Осветитель по долгу службы приглушил свет, и единственный луч упал на макушку парня. Серебристые волосы в этом свете приобрели мягкий, спокойный оттенок.

Музыка полилась ручьем, и в зале воцарилась тишина. Казалось, звуки гитары смывают всю усталость. Мелодия была простой, но теплой. Цзи Е слегка поднял голову, серебристые пряди наполовину закрыли лицо, обнажив лишь безупречный профиль, похожий на произведение искусства. Его губы были бледны, и он едва слышно запел.

Звук гитары был необычайно чистым, а мягкий, прозрачный голос парня заставлял слушателей погрузиться в транс. Казалось, каждый присутствующий вернулся в свои школьные годы, на тот самый вечер, где перед глазами вновь возник тот, в кого они были тайно влюблены.

Цзи Е пел не то чтобы виртуозно, скорее, он рассказывал историю — без лишних технических приемов, высоких нот или надрыва, просто и спокойно.

Когда песня закончилась, многие всё еще не могли прийти в себя.

Первым опомнился Чжэн Чжи. Его взгляд на Цзи Е полностью изменился: словно он нашел новый континент или золотую жилу. Ладони, лежавшие на брюках, вспотели. В голове проносились мысли: такой выдающийся юноша может стать следующей суперзвездой, а главное — дойной коровой для компании. Нужно срочно спрятать его от всех!

— Выключите камеры! — Чжэн Чжи, не дав никакой оценки выступлению, первым делом отдал приказ.

Все были в замешательстве: что происходит? Заканчиваем раньше времени? Не может быть! Такой талант — и его отпустят?! Но продюсер Суй Цзе, женщина, сидевшая рядом, явно понимала его без слов — она тут же подбежала к оператору и выключила питание.

Люди начали медленно расходиться, а Цзи Е проводили в отдельную гримерку, где его уже ждали Чжэн Чжи и Сюй Цзе.

— Здравствуй, Цзи Е. Мы — главный судья и продюсер этого конкурса. Я Сюй Цзе, это Чжэн Чжи, — Сюй Цзе первой нарушила тишину.

— Угу, — Цзи Е держал чашку латте, пар окутывал его лицо. Он дунул на поверхность кофе, улыбка его оставалась неизменной.

Чжэн Чжи про себя кивнул: такая выдержка — это не шутки. Он продолжил:

— Ты действительно студент Джульярдской школы? — он хотел выяснить, какие еще козыри есть у этого парня, чтобы предложить лучшие условия.

— Да, — небрежно ответил Цзи Е, а затем, словно вспомнив что-то, добавил: — Но я уже подал заявление на отчисление, правда, университет его еще не утвердил.

— О? Почему ты решил отказаться от такой возможности? — Чжэн Чжи нахмурился. Джульярд — святое место для любого музыканта, никто еще не уходил оттуда по своей воле. Либо этот парень лжет, либо он просто глуп. Оба варианта были не лучшими.

— Я слышал, группа Июль ищет гитариста. Я фанат Июля, вот и решил попробовать, — Цзи Е говорил это так, что в нем совсем не чувствовалось фаната. Скорее, он походил на претендента, бросающего вызов.

— Вот как? И кто твой любимчик в Июле? — Чжэн Чжи, конечно, понял, что это лишь предлог, и решил подыграть.

— Вокалист, Чжоу Нань, пожалуй. Он неплохо играет на гитаре. Ах да, Сюй Лин тоже неплох на барабанах, но поет он точно мимо нот, я слышал трижды. А вот Ду Чэнь... его бас-гитара оставляет желать лучшего, — Цзи Е нахмурился, вспоминая, словно выбирал из трех зол наименьшее. Тон его был далек от похвалы, не говоря уже о фанатском восторге.

— Кстати, хорошо, что предыдущий гитарист ушел, иначе я бы не стал слушать их следующий альбом. Как его там звали? — Цзи Е отпил латте.

— Эм... ха-ха, — даже Сюй Цзе, известная своим умением находить общий язык с кем угодно, не знала, что ответить. Этот ребенок делал общение невозможным. А ведь он говорил о группе Июль, которую музыкальная индустрия провозгласила надеждой будущего, о самой популярной группе в стране! А в глазах этого парня они не стоили и ломаного гроша.

— Раз эта группа такая плохая, может, не стоит туда идти? — Чжэн Чжи нашел повод вставить слово. — Мы можем разработать для тебя индивидуальный план развития, вложить огромные средства в твоё продвижение, ты станешь следующей суперзвездой.

— Нет, я хочу в Июль. Мне нравятся вызовы, — Цзи Е покачал головой, наотрез отказавшись от предложения. — И вообще, кроме Июля, в этой индустрии нет никого, на кого стоило бы смотреть, — в его голосе сквозило полное презрение.

Сюй Цзе не разбиралась в музыке, но видела, что Чжэн Чжи, известный своей придиричностью, не стал спорить, а значит, парень действительно хорош. Музыканты всегда немного горды, но настоящие мастера — редкость. Реакция Чжэн Чжи подсказала Сюй Цзе, насколько ценен этот юноша.

— Если ты будешь выступать сольно, обещаю, что через месяц ты уже будешь на вершине. Мы возьмем тебя под опеку, запишем альбом. Подумай еще раз, — Сюй Цзе решительно поставила точку.

— Я отказываюсь, — твердо ответил Цзи Е. — Моя единственная цель — попасть в Июль.

— Ты уверен, что хочешь идти напролом? — голос Чжэн Чжи стал громче, в нем проскользнули угрожающие нотки. — Знай, мы можем прикрыть твою карьеру еще до выхода программы в эфир. Обидев Синьюй, ты не продержишься в этом бизнесе ни дня.

Цзи Е приподнял бровь и усмехнулся:

— Простите, я только что вернулся в страну и не знаю, что такое Синьюй. Я знаю только то, что буду в Июле.

Сюй Цзе была в замешательстве. Они хотели перехватить его раньше, не допуская к дальнейшим этапам конкурса. В конце концов, конкурс перейдет в формат прямых трансляций, и за таких талантов будут драться все крупные компании.

Переговоры провалились. Характер Цзи Е был совершенно невыносимым, он разительно отличался от того нежного образа, который парень демонстрировал на сцене. Он настаивал на своем, как бы Сюй Цзе ни пыталась быть мягкой, а Чжэн Чжи — жестким.

В этот момент стало ясно, что он действительно фанат Июля. И притом — ярый. Может, у него просто язык такой острый?

Выйдя из зала прослушивания, Цзи Е надел наушники и сунул руки в карманы пальто. Желтый свет уличных фонарей падал на его макушку, вытягивая длинную тень.

— Второе задание еще не опубликовано? — спросил Цзи Е у Системы.

— Нет. Пожалуйста, заверши первое задание, проверь прошлое способом поцелуя. Ключевой персонаж второго задания находится в группе Июль, — голос Системы был лишен эмоций.

Но Цзи Е был доволен. Система наконец-то обновилась, начала развиваться и поддерживать простые диалоги. Больше никаких трехэтапных заданий — теперь это были скрытые квесты, запускаемые триггерами. И первое задание — вступить в Июль. Вот почему он так стремился туда попасть.

Июль. Группа, ставшая легендой за три года, покорившая весь континент своим мастерством, внешностью и постоянными хитами.

Вокалист — Чжоу Нань. Ему девятнадцать, самый младший в группе, гений, найденный скаутом. Его виртуозная игра на гитаре и божественный голос сразу же привлекли внимание публики.

Барабанщик — Сюй Лин. Ему двадцать один, бывшая звезда-ребенок, чей талант признали все профессионалы. Его огромная популярность с детства сделала его визитной карточкой группы.

Басист — Ду Чэнь. Ему двадцать три, самый старший и лидер группы. Он был стажером, в которого верила компания: десять лет тренировок, с тринадцати до двадцати трех. Именно эти испытания наделили его зрелостью и хладнокровием.

Фанаты Июля были повсюду. Подростки сходили по ним с ума, молодежь черпала в их песнях энергию, даже старики любили их музыку. Июль был непобедимой группой с колоссальной аудиторией.

<http://bllate.org/book/22179/2310964>